

10. Гоузинская Е. И., Пономарева М. Ю., Клишейко Д. И. Критический анализ криминообразующих признаков состава преступления, предусмотренного ст. 354.1 Уголовного кодекса Российской Федерации «Реабилитация нацизма» // Актуальные проблемы науки и практики современного общества. 2017. № 2–6.

11. Каримов М. А. Объективные признаки состава преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 354.1 УК РФ // Научное сообщество студентов XXI столетия. Общественные науки: сборник статей по материалам XXXVIII междунар. студ. науч.-практ. конф. № 1 (37).

КРИПТОВАЛЮТА КАК ОБЪЕКТ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Ю. В. Бухвалова,
студентка ИГиП ТюмГУ,
направление «Юриспруденция»,
julja-bukhvalova@mail.ru
Научный руководитель:
А. А. Чукреев,
доцент кафедры трудового права
и предпринимательства ИГиП ТюмГУ,
кандидат юридических наук, доцент,
a.a.chukreev@utmn.ru

Для того чтобы государство успешно функционировало как в сфере внутренней политики, так и на международной арене, его законодательство должно обладать такими важными качествами, как гибкость, восприимчивость к разного рода нововведениям, возникающим в современном мире. Стремительное развитие общественных отношений предопределяет необходимость постоянного внесения изменений в действующее законодательство. Появление новых объектов экономических отношений, новых объектов прав, информатизация и цифровизация общественных отношений создают предпосылки для качественной переработки законодательства и необходимости пересмотра традиционных понятий и конструкций, существующих в праве.

Подобного рода изменения коснулись и Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) [2], в частности его ст. 128, закрепляющей перечень объектов гражданских прав. Речь идет о последних изменениях, внесенных в ГК РФ Федеральным законом от 18 марта 2019 года № 34-ФЗ, которые носят масштабный характер. Однако мы в своем исследовании затронем лишь одну из этих новелл – это цифровые права.

Итак, вступившие в силу с 1 октября 2019 года изменения ст. 128 ГК РФ ознаменовали появление нового объекта гражданских прав – «цифровые права». О целях введения данного понятия разъясняется в Пояснительной записке к проекту Федерального закона от 18 марта 2019 года № 34-ФЗ [10]. Так, исходя из анализа данного документа, включение цифровых прав в перечень объектов гражданских прав – это первый шаг законодателя к тому, чтобы взять под свой контроль регулирование новых общественных отношений, которые складываются вокруг появляющихся в современном мире объектов экономических отношений. В частности, такое правовое закрепление позволит наделить данные объекты оборотоспособностью либо, напротив, ограничить их в обороте, обеспечить защиту прав на данные объекты и установить ответственность за посягательства на эти права, обеспечить экономическую безопасность и стабильность и т. д.

Так что же такое цифровые права? Говоря о понятии «цифровых прав», следует отметить, что в науке сложилась дискуссия относительно определения данного понятия, вследствие того что в настоящий момент оно не имеет достаточно полного, универсального и конкретного закрепления в законе. Статья 141.1 ГК РФ определяет цифровые права как «названные в таком качестве в законе обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам» [2]. Определение таких прав, закрепленное с 1 октября 2019 года в ст. 141.1 ГК РФ, не раскрывает всю сущность цифровых прав. Поэтому следует обратиться к тексту законопроекта, которым изначально предполагалось внести анализируемые изменения и дополнения. Под цифровыми правами в указанном документе понималась «совокупность электронных данных (цифровой код или обозначение), существующая в информационной системе, отвечающей установленным законом признакам

децентрализованной информационной системы, при условии, что информационные технологии и технические средства этой информационной системы обеспечивают лицу, имеющему уникальный доступ к этому цифровому коду или обозначению, возможность в любой момент ознакомиться с описанием соответствующего объекта гражданских прав. Указанные цифровой код или обозначение признаются цифровым правом» [10].

Комментируя приведенное положение законопроекта, Р. И. Ситдикова приходит к выводу, что дефиниции, предложенные в нем, нуждаются в корректировке, так как, по ее мнению, пока не определено, что представляет собой эта совокупность электронных данных, как присваивается этот код, чем код отличается от обозначения [9]. Как мы видим, в законопроекте было дано более узкое определение понятия «цифровые права», от которого впоследствии законодатель отказался, выбрав дефиницию, позволяющую трактовать это понятие шире. Отказ законодателя от данной дефиниции был вызван аргументированной критикой со стороны ученых, предпринимателей и чиновников. Критика была мотивирована тем, что в проекте понятие «цифрового права» представлено в слишком узком понимании, а существование цифровых прав связано только с распределенным реестром. Высказывается позиция о том, что права в электронной форме могут существовать не обязательно только в рамках технологии блокчейн, они уже существуют также и в иной форме, при этом активно реализуются миллионами людей [12]. Говоря о блокчейне, стоит уточнить, что он представляет собой технологию хранения данных, при которой создаются специальные связанные друг с другом блоки, образующие цепочку. Данная цепочка, в свою очередь, представляет собой постоянно обновляющийся реестр для хранения и обработки информации о совершённых транзакциях.

Тем не менее принятая в итоге редакция упомянутого Федерального закона, нашедшая свое закрепление в обновленных положениях ГК РФ, тоже вызывает недовольство у ряда ученых. Так, И. М. Конобеевская считает, что определение, представленное в ст. 141.1 ГК РФ, является слишком широким и что оно может включать в себя практически любые права, которые каким-либо образом фиксируются в цифровой форме. По ее мнению, закрепление в законе этого понятия преследовало лишь цель констатации факта существования таких прав в принципе, а не раскрытия их сущности и содержания. Более того, ученый согласилась с позицией авторов, критикующих проект Федерального закона, в том, что «более рационально не вводить в закон новое понятие цифровых прав, а использовать уже устоявшиеся в мировой и российской практике термины “крипто-валюты” и “токены”» [8]. Таким образом, введение в российское законодательство понятия «цифровые права» вызвало широкий научный и общественный резонанс и породило множество различных мнений по этому вопросу.

С понятием «цифровые права» тесно связано еще одно новое явление, представляющее собой экономический феномен, сравнительно недавно появившийся в мировой экономике. Речь идет о «цифровых деньгах». Для того чтобы дать определение этому понятию, вновь обратимся к тексту законопроекта. Так, согласно положениям этого документа, цифровыми деньгами может признаваться не удостоверяющая право на какой-либо объект гражданских прав совокупность электронных данных (цифровой код или обозначение), созданная в информационной системе, отвечающей установленным законом признакам децентрализованной информационной системы, и используемая пользователями этой системы для осуществления платежей [10]. Однако свое отражение в законе, в частности в ГК РФ, это понятие не нашло. Комментируя предстоящие изменения в законодательстве, глава комитета Государственной Думы Российской Федерации по финансовому рынку Анатолий Аксаков пояснил следующее: «Понятия “цифровые деньги” и “цифровая валюта” совершенно точно уйдут из оборота, они вообще нигде не будут фигурировать в законодательстве. Но фактически цифровые деньги будут фигурировать как “цифровые права”, обмен которых будет разрешен» [13]. Тем не менее о конкретных причинах указанных поправок в заявлении чиновника сказано не было. Для того чтобы иметь представление о возможных причинах принятия этого решения, представляется разумным обратиться к высказываниям ученых, занимавшихся изучением этой темы.

Так, по мнению ряда исследователей, в частности В. Н. Гаврилова и Р. М. Рафикова, раскрытие понятия «цифровые деньги» не отражает экономическую сущность описываемого явления, а само его применение не

соответствует Конституции Российской Федерации (ст. 75) и является нерациональным [5]. Более того, некоторые ученые посчитали, что указанный законопроект не отвечал требованиям юридической техники. С мнением специалистов можно согласиться, так как действительно по ч. 1 ст. 75 Конституции Российской Федерации денежной единицей в Российской Федерации является рубль, а введение и эмиссия других денег в Российской Федерации не допускаются [1]. Таким образом, именно противоречие нормам Основного закона России послужило причиной отказа законодателя от закрепления данного понятия. Однако в этом случае возникает резонный вопрос относительно того, к какому виду объектов гражданских прав относится криптовалюта, можно ли считать ее денежным средством, приравнивается ли она к деньгам.

Для ответа на этот вопрос следует снова обратиться к тексту ст. 128 ГК РФ. Данная статья, как известно, закрепляет перечень объектов гражданских прав. Важно отметить, что указанный перечень не является закрытым, следовательно вопрос о том, можно ли исключить криптовалюту из категории объектов гражданских прав и признать ее «вне закона», отпадает, так как законом она не отнесена к объектам, оборот которых запрещен или ограничен. Исходя из этого, криптовалюта все-таки является объектом гражданских прав. Представляется разумным разобраться, к какому именно виду объектов прав она относится.

Анализ ст. 128 ГК РФ позволяет выделить среди видов объектов гражданских прав, к которым потенциально можно отнести криптовалюту, следующие виды:

- 1) вещи (включая наличные деньги и документарные ценные бумаги); или
- 2) иное имущество, в том числе имущественные права (включая безналичные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги, цифровые права).

Согласно выработанной научной доктрине, «вещь — это предмет материального мира, могущий быть в обладании человека и служащий удовлетворению его потребностей. Вещь материальна, имеет массу и пространственные пределы» [6]. Следовательно, криптовалюта не может быть признана вещью, так как не обладает признаком материальности, поскольку существует исключительно в сети Интернет, в специализированных реестрах, и не имеет материального выражения вовне.

Вопрос об отождествлении криптовалюты с безналичными денежными средствами также является дискуссионным в научном сообществе. Противники данной позиции, в частности В. Н. Гаврилов и Р. М. Рафиков, основывают свою позицию на том, что деньги и денежные средства (наличные и безналичные, включая их разновидность — электронные деньги) создаются в результате эмиссии банком или иной кредитной организацией, имеющей государственную лицензию, а криптовалюта, как правило, выпускается децентрализованно посредством майнинга каждым пользователем Сети без санкции соответствующих государственных органов [5]. С позицией ученых нельзя не согласиться, так как денежная эмиссия, согласно ч. 1 ст. 75 Конституции Российской Федерации, осуществляется исключительно Центральным банком РФ, в отличие от криптовалюты, при выпуске которой не участвует центральный эмитент и такой выпуск осуществляется каждым пользователем самостоятельно. Кроме того, следует вернуться к ст. 75 Конституции, которая закрепляет единственное законное средство платежа в России — рубль. При этом рубль обеспечивается принудительной силой государства, в отличие от криптовалюты, стоимость которой зависит от несколько иных факторов, а именно от деятельности специализированных бирж, на которых в зависимости от соотношения спроса и предложения на рынке складывается курс криптовалюты. Более того, существенным отличием криптовалюты от безналичных денежных средств является то, что при хранении вторых велика роль «посредника», например банка, на счету которого хранятся указанные денежные средства. В случае с криптовалютой такой посредник отсутствует, вся информация о средствах находится в сети Интернет и фиксируется посредством записи в специальном децентрализованном реестре.

Существуют также сторонники противоположной позиции, которые считают, что криптовалюта, напротив, обладает признаками денежных средств. В подтверждение приводятся доводы о том, в частности, что перечисленные в различных нормативно-правовых актах признаки электронных денег в некоторой степени относятся и к криптовалюте. Например, понятие «электронные денежные средства», которое нашло свое

определение в Федеральном законе «О национальной платежной системе», в его ст. 3, содержит признаки, схожие с признаками криптовалюты: учет информации о размере средств без открытия банковского счета, т. е. отсутствие так называемого «посредника», о котором шла речь выше; и обязательное использование электронного средства платежа, иными словами, речь идет об отсутствии признака материальности [3].

В научном сообществе также высказывалось предложение об отнесении криптовалюты к ценным бумагам. В частности, подобного мнения придерживаются такие авторы, как В. С. Белых и М. А. Егорова. По их мнению, «одно из важнейших направлений развития криптовалюты в современных условиях – потенциальная возможность ее использования не только в качестве средства платежа и обмена, но и как закрепленное в блокчейне право (обязанность), например, в качестве “акции” или “векселя”» [4]. Однако не все ученые согласны с таким предложением. К контраргументам данной точки зрения можно отнести следующие доводы: препятствием к признанию криптовалюты документарной ценной бумагой является тот факт, что криптовалюта не имеет материального выражения, которое, в свою очередь, является существенным признаком документарной ценной бумаги [5]. Что касается отнесения криптовалюты к бездокументарным ценным бумагам, то в данном случае также отсутствует определяющий признак бездокументарной ценной бумаги, который закреплен в ст. 149 ГК РФ: речь идет о лице, ответственном за исполнение по ценной бумаге. В силу положений Гражданского кодекса таковым является лицо, выпустившее эту ценную бумагу, а также лица, предоставившие обеспечение исполнения соответствующего обязательства. Как мы выяснили ранее, выпуск криптовалюты характеризуется анонимностью и децентрализованностью, следовательно правовая природа криптовалюты и ценных бумаг (как документарных, так и бездокументарных) не совпадает.

Включение криптовалюты в категорию цифровых прав аналогичным образом предопределяет появление диаметрально противоположных позиций в научном сообществе. Ряд ученых считает, что в данных нововведениях нет необходимости, так как для того, чтобы урегулировать общественные отношения, возникающие в результате использования управомоченными субъектами своих прав в цифровом пространстве, в том числе и криптовалюты, достаточно просто на законодательном уровне закрепить такую возможность, т. е. констатировать факт существования привычных для нас прав именно в рамках цифрового формата [8]. Некоторые ученые, напротив, считают, что наиболее подходящей категорией в данном случае являются именно «цифровые права», подкрепляя эту позицию утверждением о том, что под цифровыми правами понимается право на объект, в том числе право на криптовалюты [7]. Кроме того, по их мнению, исключение термина «цифровые деньги» из текста законопроекта было крайне неверным решением, так как этот термин наиболее полно отражал все существенные признаки и характеристики криптовалюты [7].

Высказывается также мнение о необходимости в закреплении самого понятия «криптовалюта» и других связанных с ним понятий, таких как, например, «цифровой рынок», и др. [4]. Такая позиция представляется вполне разумной, учитывая, что попытки закрепить указанные термины в законе уже были предприняты, однако по каким-то причинам этого не случилось (предположения, взгляды ученых на этот счет приводились выше). Так, законопроект № 419059-7 «О цифровых финансовых активах» содержал в себе понятия «криптовалюта», «биткойн», «майнинг», однако уже ко второму чтению они исчезли из текста законопроекта и, судя по всему, из планов законодателя относительно их правового закрепления [11].

При рассмотрении вопроса о правовом регулировании криптовалюты в Российской Федерации нелишним будет обратиться к опыту зарубежных государств, так как столь быстрое и масштабное распространение в мировой экономической системе криптовалюты вынуждает государства принимать меры по ее законодательному регулированию. В данном вопросе всё мировое сообщество разделилось на несколько больших групп. Ряд государств выбрал путь закрепления в законе криптовалюты в качестве того или иного объекта гражданских прав, при этом в качестве законного средства платежа она еще не фигурирует ни в одной стране. К числу таких стран относятся: США, Великобритания, Германия, Япония, Австралия, Беларусь, Швейцария. Некоторые государства, напротив, выбрали более жесткую политику в отношении данного экономического феномена и приняли решение запретить участие криптовалюты в обороте. Такими странами являются Таи-

ланд, Вьетнам, Эквадор, Боливия, Бангладеш, Алжир, Египет, Ирак, Марокко, Непал, ОАЭ, Пакистан и др. В ряде государств участие криптовалюты в обороте возможно лишь с определенными условиями, т. е. в строго оговоренных случаях. К таким странам относятся, например, Канада и Китай. И наконец, существует группа стран (Россия, некоторые штаты США), в которых данный вопрос пока остается нерешенным, однако предпринимаются попытки определить место криптовалюты в правовом и экономическом пространстве.

Подводя итог, хочется отметить, что, какова бы ни была правовая природа криптовалюты и к какому бы виду объектов гражданских прав она ни относилась, главной задачей государства на данном этапе является незамедлительное правовое закрепление и урегулирование этого экономического явления. Криптовалюта набирает всё большую популярность в мировом сообществе, и игнорировать ее влияние на экономику и право невозможно, поскольку анонимность, децентрализованность и отсутствие контроля со стороны государств, правительств и банков предопределяют большие риски для безопасности государства и экономической стабильности. В связи с тем что правовое регулирование данного вопроса в Российской Федерации находится пока только на стадии формирования, правоведам и законодателю необходимо, на наш взгляд, еще раз более подробно пересмотреть предложенные ранее специалистами дефиниции анализируемых понятий, специальные нормы права и, возможно, все-таки позволить им найти свое отражение в законодательстве.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993: по сост. на 21.07.2014 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 31. Ст. 4398.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ: по сост. на 03.07.2019 // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301
3. Федеральный закон от 27.06.2011 № 161-ФЗ «О национальной платежной системе»: по сост. на 02.08.2019 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 27. Ст. 3872.
4. Белых В. С., Егорова М. А. Криптовалюта как средство платежа: новые подходы и правовое регулирование / В. С. Белых, М. А. Егорова // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2019. № 2. С. 139–146.
5. Гаврилов В. Н., Рафиков Р. М. Криптовалюта как объект гражданских прав в законодательстве России и ряда зарубежных государств / В. Н. Гаврилов, Р. М. Рафиков // Вестник экономики, права и социологии. 2019. № 1. С. 51–58.
6. Гонгало Б. М. Гражданское право: учебник. В 2 т. Т. 1. 2-е изд., перераб. и доп. / Б. М. Гонгало. М.: Статут, 2017. 511 с.
7. Егорова М. А., Ефимова Л. Г. Понятие криптовалют в контексте совершенствования российского законодательства / М. А. Егорова, Л. Г. Ефимова // Lex Russica. 2019. № 7 (152). С. 130–140.
8. Конобеевская И. М. Цифровые права как новый объект гражданских прав / И. М. Конобеевская // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2019. № 3. С. 330–334.
9. Ситдикова Р. И., Ситдилов Р. Б. Цифровые права как новый вид имущественных прав / Р. И. Ситдикова, Р. Б. Ситдилов // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2018. № 9 (204). С. 75–80.
10. Проект федерального закона от 26.03.2018 № 4246327 «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://asozd2c.duma.gov.ru/main.nsf> (дата: обращения 13.02.2020).
11. Проект федерального закона от 25.01.2018 № 419059-7 «О цифровых финансовых активах» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/419059-7> (дата обращения: 12.02.2020).
12. Экспертное заключение по проекту федерального закона № 424632-7 «О внесении изменений в части первую, вторую и третью Гражданского кодекса Российской Федерации» (принято на заседании Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 17.01.2019 № 183-1/2019) [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.02.2020).

13. Госдума РФ отказывается от понятий «криптовалюта» и «цифровые деньги» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://novator.io/blokchejn/gosduma-rf-otkazyvaetsya-ot-ponyatij-kriptovalyuta-i-tsifrovye-dengi> (дата обращения: 11.02.2020).

ПРАВО И ЦИФРОВИЗАЦИЯ: ПРОБЛЕМЫ И СПОСОБЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

А. А. Быкова,
студентка ИГиП ТюмГУ,
специальность «Правовое обеспечение
национальной безопасности»,
bykova300997@mail.ru
Научный руководитель:
Ю. П. Попова-Логачева,
доцент кафедры уголовного права
и процесса ИГиП ТюмГУ,
кандидат юридических наук, доцент,
y.p.popova-logacheva@utmn.ru

Современный мир — это огромный объем информации и развитие цифровых технологий, которые стали неотъемлемой частью нашей жизни. Процесс информатизации затрагивает практически все сферы, человечество каждый день придумывает новые приемы и методы для улучшения своей жизни, используя информативность и умение работать с информацией.

Цифровая реальность сегодня диктует нам правила для деформации многих государственных и общественных институтов. Исключением не стал и такой институт, как право.

На сегодняшний день взаимосвязь цифровизации и права прослеживается не так четко, как взаимосвязь с другими отраслями. На первый взгляд «право» осталось прежним, выполняет все свои функции, сохраняет все свои признаки, но при этом принимает изменения «оцифровки». Нормативно-правовое обеспечение нуждается в преобразовании с целью внедрить современные технологии в право. Поэтому сегодня право не является объектом цифровизации, а предстает как средство реализации.

Обратимся к классической теории права под воздействием новых технологий и интернета. Практически каждый элемент данного определения нуждается в уточнении, например, субъект права. Проблема заключается в том, что сложно идентифицировать конкретное физическое или юридическое лицо в виртуальной действительности. Ведь в большинстве случаев лицо предпочитает остаться анонимным и не вкладывает в свое сетевое имя никаких данных.

Согласно Федеральному закону от 27 июля 2006 года № 152-ФЗ «О персональных данных», физическое лицо обладает персональными данными, которыми прежде всего признаются: ФИО, дата и место рождения, адрес, семейное положение и др. Этот закон регулирует и данные, которые были распространены через Интернет. Несмотря на то что в Сети существуют затруднения определения конкретного лица, Интернет имеет возможность сопоставить те или иные данные личности и идентифицировать лицо, формально не нарушая правила обработки персональных данных.

Необходимо признать, что у любого лица в Интернете есть «цифровые права», часть которых содержится в Конституции Российской Федерации, другая часть вытекает из Федерального закона от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».

Правовое обеспечение развития «цифрового права» в России должно в первую очередь сопровождаться созданием механизма регулирования новых общественных отношений и принятием новых нормативно-правовых актов, которые помогут «перенастроить» право во многих отраслях, например в гражданском, трудовом, уголовном и др.

Тем не менее просто создать и ввести новые нормы в различные отрасли права недостаточно. Необходимо понять, как они будут воздействовать на общественные отношения, какое место займут в системе права и какие возможны последствия такого внедрения.

Весь процесс цифровизации права состоит в следующем: